

простенькому заключению — к оправданию софизма, согласно которому грех не есть грех, преступление не есть преступление.

Разумеется, жизнь тотчас показала реальную цену этого софизма, поставив все на свои места. Ведь совершенное убийство и ограбление, чем бы они ни оправдывались, уже нельзя отменить и назвать иначе, чем убийством и ограблением, а того, кто совершил то и другое (каковы бы ни были его достоинства), нельзя назвать иначе, чем убийцей и грабителем. Со всеми вытекающими отсюда результатами. Следуя этим соображениям, Свидригайлов с пренебрежительным высокомерием и говорит о «теориях» Раскольникова (об одной: «своего рода теория», о другой: «так себе теория» — 6, 378) и никак не может понять странной логики героя, позволяющего себе убивать и грабить и негодующего на тех, кто стоит у дверей и подслушивает: «...но, однако, что ж это такое? Я, может, совсем отсталый человек и ничего уж понимать не могу. Объясните, ради Бога, голубчик! Просветите новейшими началами.

— Ничего вы не могли слышать, врите вы все!

— Да я не про то <...> я про то, что вы вот все охаете да охаете! Шиллер-то в вас смущается поминутно. А теперь вот и у дверей не подслушивай. Если так, ступайте да объявите по началству, что вот, дескать, так и так, случился со мной такой казус: в теории ошибка небольшая вышла. Если же убеждены, что у дверей нельзя подслушивать, а старушенок можно лущить чем попало, в свое удовольствие, так уезжайте куда-нибудь поскорее в Америку! Бегите, молодой человек! Может, есть еще время» (6, 373).

По мысли Достоевского (мы опускаем анализ других его аргументов ради заключения, прямо связанного с тем, что уже сказано), все «теории», все «высокое и прекрасное» («Шиллер-то, Шиллер-то» в разных обличьях) не имеют никакого отношения к преступлению Раскольникова, к этому «общему» и «частному делу». Свидригайлов рассуждает более последовательно, чем недоучившийся студент юридического факультета. И он прав: в «деле» Раскольникова самое главное — разрешение преступления «по совести» (т. е. без совести) и само это преступление, а уж как оно мотивировано (хотя бы и «удовольствием»), значения не имеет. И даже так: в злодействе, ничем не украшенном и просто названном злодейством, меньше подлости, чем в злодействе, обряженном в благовидные теории и покровы. Достоевский очень основательно и подробно доказывает мысль, что все соображения об «общем счастье» и вся возвышенная грусть здесь притянуты к преступлению кое-как и на живую нитку.

Если так, то говорить о «новом слове» и «новом» шаге (как это делает Раскольников по поводу своего и не своего «дела») нельзя. Все это было бы из области «высокого и прекрасного» (ведь понятие «новый» имеет у героя оценочный и именно положительный смысл). Нужно говорить о грехе и злодействе, которых и без теорий Раскольникова вполне достаточно в этом мире. Эти горячечные теории вырастают на грешной и преступной почве, и они удерживают в себе весь грех и все преступление, ничего не меняя по существу в том, что есть. Достоевский приводит героя к абсурду, ибо с возмущения против зла и начинаются его поиски особой, благодетельной для себя и человечества дороги.

Г. Я. ГАЛАГАН

ПРОБЛЕМА «ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ» В НАСЛЕДИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
(1873—1876)

В «Дневнике писателя» за 1876 г. есть ряд сквозных, внутренне связанных мотивов, уже знакомых читателю по «Дневнику писателя» 1873 г. и роману «Подросток»: мотивы нравственного разложения в народной среде, потери общей руководящей идеи, всеобщего обособления. С самого начала эти мотивы отличались крайне болевой тональностью и говорили об одном — об отсутствии в русской пореформенной действительности соединяющего начала.

С отысканием этого начала и связана проблема «лучших людей», которая получает разностороннее освещение во второй главе октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. Разделяя «лучших людей» на «натуральных» (т. е. народных; перед ними нация «склоняет себя» добровольно и свободно) и «условных» (т. е. признанных таковыми официально), Достоевский подчеркивал: «На существование <...> „условного“ разряда лучших людей <...> — роптать нельзя: ибо происходят этого сорта „лучшие люди“ по закону историческому и существовали доселе во всех нациях и государствах с начала мира, так что никакое даже общество не могло устроиться и связать себя в целое без некоторого в этом роде добровольного над собою насилия <...> Надо заметить, что эти лучшие люди, и у нас, и везде, то есть и в Европе, всегда вырабатывали себе под конец довольно стройный кодекс правил доблести и чести <...> у нас, в России, эти условные лучшие люди, очень и очень часто и очень во многом, сходились в своих идеалах с лучшими людьми безусловными, то есть народными» (23, 153—154).

Путь Достоевского к двум последним разделам второй главы октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. начинается в 1873 г., в период его сотрудничества в «Гражданине», на страницах которого понятие «лучшие люди» имело тогда достаточно интенсивную жизнь.

В 1872 г. выходит в свет книга А. А. Головачева «Десять лет реформ». ¹ Перспективы будущего России связываются в этой книге с «лучшими людьми», с их способностью подчинять интересы личные

¹ Головачев А. А. Десять лет реформ. СПб., 1872. На протяжении почти всего 1871 г. и в начале 1872 г. книга публиковалась первоначально на страницах «Вестника Европы».

благу общему, а критический анализ хода реформ сопровождается исследованием причин утраты этими людьми их созидательной энергии.² И в этой связи ставится вопрос об отсутствии в ходе реформ общих начал, способных воздействовать на старые устои общества.³

Автор «Десяти лет реформ» был хорошо известен Достоевскому. Приглашенный сотрудничать в «Эпохе», он трижды печатался в журнале. Но разногласия идеологического плана между редактором и автором обусловили кратковременность этого сотрудничества.⁴ Их новая встреча происходит в 1873 г.: в № 1 «Гражданина» за 1873 г. публикуется реферативное сообщение В. Ф. Пуцковича о труде А. А. Головачева, через месяц — развернутая полемическая рецензия (без подписи) на этот труд.⁵ В центре полемики — несогласие с оценкой Головачевым характера эволюции «лучших людей» в ходе реформ.

В том же 1873 г. в «Гражданине» печатается статья В. П. Мещерского «Люди, где же люди?» (из цикла «Неизбежные размышления»).⁶ Имя Головачева в ней не упоминается, но связь статьи с проблематикой труда последнего сомнений не вызывает: все реформы минувшего десятилетия рассматриваются В. П. Мещерским под углом зрения участия в них «лучших людей». Пронизанный иронией анализ подводит читателя к выводу об утрате последними качеств духовной «избранности»: «Уже в начале *нового времени* — мы все это живо помним — от общества потребовалась огромная натуга, чтобы из себя, так сказать, выжать лучших людей в деятели крестьянской

² Сравнивая начала 1860-х и 1870-х гг., Головачев отмечал во «Введении» к книге: «...проходит десять лет и все изменилось. Людей, которыми руководил бы не личный интерес, а общественная польза, как-то не видать; если же они и являются, то в виде исключений и без большого влияния. Напротив, приверженцы старого порядка вещей, прежде робко выражавшие свое мнение, теперь как будто устыдились своей прежней скромности <...> Интрига, кумовство и личный интерес по-прежнему стали царствовать и не только в дворянских, но и в земских собраниях <...> При таких обстоятельствах даже лучшие люди теряют энергию» (Там же. С. 2, 8).

³ Вот извлечение из «Заключения» работы А. А. Головачева: «Почему в настоящее время не замечается в обществе того одушевления и того интереса к делу, которое господствовало десять лет тому назад? <...> Убеленные опытом, мы видим, что не так легко достигаются победы над старыми порядками <...> Старые нравы, привычки и понятия крепко сжились с людьми и держатся в них, несмотря на очевидную их ложь. Человеку, раз принявшему ложь за истину, — трудно понять всякую истину <...> Вот почему мы думаем, что, вводя новые начала в общественную жизнь, необходимо прежде всего подумать об ограждении их цельности и чистоты, об устранении возможности на засеваемом поле возродиться плеледам и заглушить молодые растения <...> Следует начинать новый период реформ, установив прежде всего общие начала для этих реформ» (Там же. С. 395—397).

⁴ О сотрудничестве А. А. Головачева в журнале «Эпоха» и характере его расхождений с Достоевским см.: *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха»: 1864—1865. М., 1975. С. 75—85; 20, 345—346. Отметим здесь также, что в одной из публикаций (Политическое обозрение // Эпоха. 1864. № 9), говоря о либеральной оппозиции Наполеону III при выборе депутатов в законодательный корпус Франции в 1863 г., Головачев обращается к понятию «так называемые лучшие люди» (С. 8).

⁵ Гражданин. 1873. № 4. С. 118—123. Запиная ход реформ, автор рецензии употребляет понятие «перестройка»: «Вообще относительно указываемых автором недостатков реформ нужно заметить вот что: когда приходится ломать для перестройки такое громадное здание, как наше отечество, то нельзя требовать, чтобы при такой ломке была какая-то необыкновенная стройность и полная гармония» (Там же. С. 122).

⁶ Там же. № 40. С. 1077—1080. Статья опубликована за подписью Святослав-Сольинский. Авторство В. П. Мещерского установлено В. А. Викторичем.

реформы. Петербург, Москва и вся Россия, чиновники и дворяне участвовали в этой натуге <...> поголовно и кое-как люди нашлись, вследствие чего реформа началась, по-видимому, благополучно, несмотря на то, что сулила ее деятелям 1500 р. годового жалованья. Но не проходит двух лет — является новая питейно-акцизная система со спросом на людей почти столь же великим, как и крестьянская, но зато с предложением жалованья втрое и вчетверо большим против последней. Что мы тогда видим? <...> Институт мировых посредников начинает шататься, ибо лучшим из людей его выгодно получать содержание втрое большее за деятельность сравнительно менее трудную и они переходят в акцизное ведомство.⁷

Перебегавшие от одной реформы к другой «лучшие люди» уподобляются В. П. Мещерским ветеранам множества походов (земского, акцизного, контрольного, судебного и т.д.), одинаково не кончавшихся победой.

Однако и книга Головачева, и связанные с ней публикации «Гражданина» свидетельствовали о неопределенности в понимании «лучшего». Потеря обществом идеала «лучшего» была определена Достоевским во второй главе октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. как одна из основных черт первого пореформенного десятилетия: «...уничтожилось крепостное право и произошла глубокая перемена во всем. <...> „лучшие люди“ как будто поколебались. Вдруг как бы утратилось прежнее обаяние в массе общества, как будто изменились в чем-то взгляды на „лучшее“. <...> у многих начался в сознании чрезвычайно серьезный вопрос: „кого же теперь считать будет *лучшими*, и, главное, откуда их ждать, где взять, кто возьмет на себя провозгласить их лучшими и на каких основаниях?“» (23, 155—156).

* * *

В «Дневнике писателя» 1873 г. понятие «лучшие люди» отсутствует. Но признавая в условиях всеобщего разложения возрастающее значение интеллигенции,⁸ Достоевский подчеркивает необходимость ее *совокупной* помощи народу («...если б, с своей стороны, поддержали их (народные начинания.— Г. Г.) и все наши передовые умы, наши литераторы, наши социалисты, наше духовенство и все, все изнемогающие ежемесячно и печатно под тяжестью своего долга народу. Что, если бы поддержал их и нарождающийся наш школьный учитель!», 21, 95).

Такая совокупная помощь возможна лишь при наличии соединяющего начала, которое и порождает искомую однородность желаний. Контекст же статьи «Мечты и грезы» и сослагательность, условность этих «если б», «если бы» в приведенном извлечении из нее говорят, что в надежде Достоевского на единение интеллигенции есть большая доля сомнения.

⁷ Там же. С. 1079.

⁸ Об осязательных колебаниях в системе почвенничества Достоевского в этот период см.: *Семенов Е. И.* Роман Достоевского «Подросток»: Проблематика и жанр. Л., 1979. С. 87—88.

Это сомнение и выдвигается на первый план в романе «Подросток». Обдумывая проблематику «Исповеди» Версилова, Достоевский делает запись: «У нас лучшие люди потерялись, сколько голов — столько умов. Самарин, Фадеев, коммунизм. Лучшие люди России должны соединиться. Но все лихорадочно, пламенно и искренно» (16, 367). Эта запись в подготовительных материалах к третьей части «Подростка» хронологически (конец июля 1875 г.) расположена между обращением к проблеме «лучших людей» двух персонажей романа — Версилова и Николая Семеновича.⁹

Монолог Версилова, прерываемый репликами и вопросами молодого Сокольского (вторая глава второй части романа), был опубликован в апрельском номере «Отечественных записок» 1875 г., заключение романа с письмом Николая Семеновича — в декабрьском.

Оговоримся сразу, что и в монологе Версилова, и в письме Николая Семеновича речь идет об «условных лучших людях». Утрата скрепляющего начала в Европе, замена его эгоизмом отдельных лиц представляется Версилону столь же очевидной, сколь несомненной — жизнеспособность кодекса чести и долга в высшем культурном слое России. Именно с созидательными возможностями этого кодекса и связывает герой возможность превращения в текущий момент привилегированной касты в «собрание лучших людей» («...ворота в сословие отворены у нас слишком издавна; теперь уже пришло время их отворить окончательно. Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому прикнуться к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном», 13, 178).

Точка зрения Николая Семеновича — решительно иная: «Ныне <...> прикнуться почти не к чему <...> тяжело на сердце! Ныне, с недавнего времени <...> от красивого типа отрываются, с веселой торопливостью, куски и комки и сбиваются в одну кучу с беспорядкующими и завидующими» (13, 453—454).

Таким образом, в цикле идей Версилова жизнеспособность объединяющих начал культурного слоя — одна из отличительных черт текущей русской действительности. В оценке последней Николаем Семеновичем — отрицание жизнеспособности этих начал.

Однако взгляд Версилова на пореформенный период на ранней стадии продумывания его образа был иным и мало чем отличался от суждения Николая Семеновича в окончательном тексте. Вот, например, ряд извлечений из диалогов будущего Версилова в подготовительных материалах: «Столпотворение вавилонское <...> Общество химически разлагается <...> Народ тоже» (16, 16); «Недостаток общей, руководящей идеи, затронувшей все образования и все развития <...> И это общая черта только нашего времени... Потеряна

⁹ Версильов, отец Подростка, и воспитатель последнего Николай Семенович часто выступают в романе как alter ego автора. См. об этом: Кийко Е. И. Русский тип «всемирного бolenия за всех» в «Подростке»: По материалам черного автографа // Русская литература. 1975. № 1. С. 155—161.

эта связь, эта руководящая нить, это что-то, что всех удерживало» (16, 68).¹⁰

Чем объясняется столь радикальное изменение в цикле идей Версилова?

Причина, на наш взгляд, заключалась в невозможности для одного и того же героя признавать разрушение соединяющих начал внутри русского общества и быть одновременно пропагандистом русской идеи всемирного общечеловеческого единения.

Эта несовместимость и была устранена Достоевским при разработке художественного образа, но как болевая проблема осталась с ним самим.

Во «Введении» к «Ряду статей о русской литературе» (1861), где писателем впервые обозначено понимание русской национальной идеи как всемирного человеческого единения, выделение способности «всепримирения» в качестве отличительной черты русского характера осуществлялось Достоевским с прямой опорой на созидательные способности связующих идей русского общества: «...во всех сословиях наших гораздо более точек соединения, чем разъединения, а в этом все и дело» (18, 57).

Начало второго пореформенного десятилетия такую опору делает невозможной: нравственное разложение в народной среде, потеря общей руководящей идеи, всеобщее обособление¹¹ однозначно говорили о том, что разъединяющие силы в русском обществе обретают права победителей и ставят тем самым под сомнение вопрос о жизнеспособности русской национальной идеи.

Вера в нее у Достоевского никогда не ослабевала. Но факт видимой утраты связующих начал внутри нации обусловил разговор об исторической миссии России в судьбах человечества в существенно ином, нежели ранее, ракурсе контакта с читателем. Теперь Достоевский побуждает читателя *вспомнить* о даре всепримирения как особенности русского национального характера: «...не отыски ли мы давно от всякой мысли о том, в чем заключается наша настоящая „обособление“ как нации и в чем настоящая наша роль в Европе? Мы не только не понимаем теперь подобных вещей, но и вопросов таких не допускаем и слушать об них считаем за глупость и за отсталость нашу» (22, 91. Раздел «Сила мертвая и силы грядущие» первой главы мартовского выпуска).

* * *

«Записная тетрадь» 1875—1876 гг. показывает, что проблема «лучших людей» как связующего начала — в центре внимания Достоевского и после завершения «Подростка». Трещина в системе поч-

¹⁰ Ср. с аналогичными суждениями самого Достоевского в подготовительных материалах к «Подростку»: «Нет у нас в России ни одной руководящей идеи»; «...во всем: отсутствие и потеря общей идеи (в это царствование от реформ). Все врознь»; «Вся идея романа — это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет)» (16, 44, 50, 80).

¹¹ В разделе третьем второй главы мартовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. подчеркивалось: «„Обособление“ есть ведь разъединение» (22, 99).

венничества Достоевского отнюдь не становится уже. И тем не менее важнейшая творческая перспектива в середине декабря 1875 г. определяется Достоевским так: «Мнение и убеждение „Дневника писателя“: нам всего ожидать от народа: он только даст нам лучших людей. Но для того нужны условия, при которых мог бы дать народ лучших людей» (24, 85). Или: «Не могут не определиться лучшие люди, в смысле сознательной правды народной» (24, 78).

Среди ответов на вопрос, как достичь духовного единения в русском обществе, пораженном всеобщим обособлением, дававшихся Достоевским самому себе в «Записной тетради» 1875—1876 гг. и подготовительных материалах к «Дневнику писателя» за 1876 г., выделим два. Первый: «У нас есть древняя нравственная идея, которая, может быть, и восторжествует. Эта идея — еще издревле понятие свое, что такое честь и долг и что такое настоящее равенство и братство между людьми» (24, 114). Второй: «Дворянская честь. Она кончилась <?> известным вопросом Ермолова государю: „А зачем мы не лорды?“» (22, 154).

В ткани основного текста первых четырех выпусков «Дневника писателя» за 1876 г. этими ответами обуславливается двуплановость исследования тем народа и интеллигенции: болевые мотивы, связанные с нравственным разложением в народной среде, неизменно сопрягаются с утверждением силы и святости его идеалов, а признание культурных и моральных ценностей русского дворянства — с самым пристальным вниманием к трансформации его кодекса чести.

Определенные итоги этого исследования мы видим в разделе «Парадоксалист» второй главы апрельского выпуска «Дневника...». Записи от начала марта в рабочей тетради 1876 г. высвечивают один из моментов пути Достоевского к этому разделу: «„Что такое лучшие люди?“ и т. д. (слова, которыми начать статью) или „Вред или польза войны?“ Какая дичь вопроса и т. д.»; «...завтра утром, о лучших людях и о войне...» (24, 158, 167).¹² А в подготовительных материалах к майскому выпуску «Дневника...» дается автокомментарий к этому разделу. Предполагая ответить Г. А. Ларошу на его отзыв о «Парадоксалисте»,¹³ Достоевский пишет: «Не понимаю, как не заметил (Г. А. Ларош. — Г. Г.) иронии в парадоксалисте. *Ирония в том, что беречь нечего.* Нахмурясь, что мир выше и нравственнее. Мир-то выше, а что сладострастнее и жесточе, так на это вы не ответите <...> *Язвы мира обличали, а вы довольны, вы правы, вы за мир*» (23, 163. Курсив мой. — Г. Г.).

Собеседник автора в основном тексте раздела не только любитель парадоксов, но и мечтатель. Эту черту характера героя Достоевский подчеркивает особо, выделяя ее курсивом. Сопоставление мира и

¹² Ср. также с подготовительным наброском к разделу: «Позвольте, вот у нас в России один из самых важнейших вопросов: где лучшие люди? В культурном ли слое, в народе ли? Чем они определяются? Нравственностью? Но и нравственность шатается. У нас считается в одной кучке то нравственно, что в другой совсем безнравственно, и народ отвергает и то и другое. Лучшие люди явятся сами собою <...> Явится предание, явится нечто, чего нельзя будет не уважать. Вот и начало мысли и руководство для лучших людей» (22, 165).

¹³ См.: Г. [Ларош Г. А.] Литература и жизнь // Голос. 1876. 19 мая. № 138.

войны (только не «междоусобной, братоубийственной») в пользу последней мотивируется парадоксалистом — прежде всего — нравственным состоянием «теперешнего мира» («Теперешний мир всегда и везде хуже войны, до того хуже, что даже безнравственно становится под конец его поддерживать»); «Кто меряет в наше время душу на душу, христианской меркой? Меряют карманом, властью, силой», 22, 124—125).

Что же касается мечты любителя парадоксов, она становится очевидной из тех нравственных акцентов,¹⁴ которые делает он в обосновании истинного в человеке и обществе, отстаивающих в сражении свое отечество. Мечта парадоксалиста — в желании видеть «теперешний мир» возрожденным: с жизнеспособным кодексом чести и долга у культурного слоя и прочной связью неравенств и словий.

Современный мир, по мысли парадоксалиста, чреват угрозой окончательной замены чести — лицемерием чести, долга — лицемерием долга, уважения к которым не может быть не связанным с откровенным цинизмом («Настоящей чести не будет, а останутся формулы. Формулы чести — это смерть чести», 22, 123—124).

Предваряя этот ход мысли героя, Достоевский еще в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. назвал лицемерие той данью, которую порок приносит добродетели, создавая удобную возможность, не разрывая с нею в душе, оставаться порочным практически. А месяцем позднее, в февральском выпуске, с нравственным уровнем культурного слоя связывается рождение «школы изворотливости ума и засушения сердца» (22, 73).¹⁵

Вопрос о «лучших людях» не сходит со страниц рабочей тетради Достоевского 1876 г. и в мае, и в июне, и в июле. Но остается без ответа. Тем не менее в связи с обострением восточного вопроса Достоевский вновь побуждает читателя вспомнить о даре всепримирения как уникальной особенности русского характера в июньском выпуске «Дневника писателя».¹⁶

Ответ на вопрос о связующем начале русского общества обретается Достоевским во второй половине лета 1876 г., обретается внешне. Его дает общерусское движение в защиту славян. Два последних раздела четвертой главы июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. высвечивают весь болевой комплекс мотивов, четко обозначившихся с начала 1873 г. Но теперь их тональность решительно меняется. Добровольческое движение явилось для Достоевского свидетельством того, что народ отстоял свой

¹⁴ Об акцентной значимости этого аспекта в «Дневнике писателя» за 1876 г. говорит следующее суждение Достоевского, относящееся к декабрю 1876 г.: «И вообще последний вывод: ясно, что общество имеет предел своей деятельности, тот забор, о который оно наткнется и остановится, этот забор есть нравственное состояние общества...» (24, 100).

¹⁵ В «Записной тетради» Достоевского размышления на эту тему сопровождаются горьким признанием: «...о, никогда еще не было ничего развратнее, развратительнее и циничнее в земле русской. Это школа разврата, возведенная в доблесть и воздвигнутая торжественно для всеобщего подражания» (24, 154).

¹⁶ См. раздел «Утопическое понимание истории» второй главы июньского выпуска.

нравственный облик, что состояние обособления в культурном слое уже не может быть названо всеобщим, что разрыв между сословием образованным и народом оказался, к счастью, еще не окончательным, что добровольное единение¹⁷ людей вдохновлялось народной идеей.

Не исторический и не политический аспекты добровольческого движения в защиту славян были для Достоевского первостепенны. В добровольном желании бескорыстной помощи, готовности к жертве даже жизнью он увидел, прежде всего, «единение во имя Христовой истины» (23, 103). Несколько позднее, осенью 1876 г., Достоевский подчеркивал: «...вопрос о Востоке, о восточных христианах слился в народном понятии не в одно человеколюбие и не в одну политическую задачу (как преимущественно в головах нашей интеллигенции), но, преимущественно и на первом плане, в *вопрос о судьбах восточного христианства*, то есть в вопрос о судьбах православия, то есть в вопрос о Христе и служении Ему, о подвиге служения Ему. Вот что я подчеркиваю и указываю. Это идея моя, никто не указывал на это, но это так, и это истина» (24, 307—308).¹⁸

Объединяющая сила народной идеи, внезапно сломавшей множество разъединяющих барьеров, для самого Достоевского явилась тем долгожданным знаменем, которое значительно сузило трещину в его системе почвенничества.¹⁹ Простой русский народ оказался не только носителем, хранителем, но и «подателем» образа лучшего человека. И уже не условного, а натурального. Те сбивчивость и неопределенность в его понимании, которые столь длительное время царили в русском обществе, должны со временем стать, по мысли Достоевского, достоянием прошлого. Теперь критерий «лучшего человека» однозначен: «...по представлению народному — это тот, который не преклонился перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело Божие, любит правду и, когда надо, встанет служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью» (23, 161).

С признанием интеллигенцией народного понимания «лучшего человека» Достоевский связывает возможность нового периода русской истории, хотя в его обращении к образованному сословию в заключительном разделе второй главы октябрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. (как и ранее — в статье «Мечты и грезы», см. выше) сопряжены надежда и сомнение: «И если б только возможно было, чтоб мы все согласились и сошлись с народом в понимании: кого отсюда считать человеком „лучшим“» (23, 162).

Как показывает «Записная тетрадь», в октябре 1876 г. «люди лучшие» соотносятся Достоевским с «людьми избранными» и мыслятся им в генетической связи с евангельским текстом: «...сказано самим

¹⁷ Предваряя полемику с «Внутренним обозрением» «Вестника Европы» (1876. № 9) в сентябрьском выпуске «Дневника писателя», Достоевский отметил (в связи с добровольческим движением) в «Записной тетради»: «„Вестник Европы“, с иронией о провозглашаемой нашей зрелости. (Ослы!) Но всякое доброе единение есть уже зрелость, а вы проповедуете разъединение. Мало того: единение есть высочайшая зрелость, последнее слово ее» (24, 249).

¹⁸ См. также раздел «На какой теперь точке дело» второй главы декабрьского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г.

¹⁹ См. также: Семенов Е. И. Роман Достоевского «Подросток». С. 89.

идеалом <...>, что вторичное явление идеала будет встречено избранными,²⁰ лучшими людьми, составу которых будут способствовать и все прежние лучшие люди» (24, 276).

Весь период продумывания вопроса о «лучших людях» в 1876 г. сопровождался размышлениями Достоевского о возможностях ума и сердца.²¹ Итоги этих размышлений — в первом разделе первой главы январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. Причины длительного всеобщего обособления в русском обществе связываются Достоевским с ошибками и отклонениями ума, которые излечиваются не логическим разъяснением, а логикой событий живой жизни. И в этом плане отнюдь не тождественны ошибкам сердца. Ошибки сердца порою говорят, по мысли Достоевского, о зараженности духа целой нации, зараженности, которая перерабатывает факты текущего момента на свой лад, ассимилируя их своим зараженным духом.

Добровольное общерусское единение²² лета 1876 г. в защиту славян явилось для Достоевского одним из событий живой жизни, которым было положено начало излечения русского общества от ошибок ума, что немедленно повлекло за собой (вторая глава январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г.) развернутое обоснование «национальной русской идеи» как «всемирного общечеловеческого единения» (25, 23), предопределившее философско-историческую проблематику Пушкинской речи Достоевского.

Означает ли это, что лето 1876 г. устранило все болевые мотивы, связанные с жизнью русской идеи в сознании Достоевского? Нет, не означает: многочисленны факты возвращений писателя к проблеме «лучших людей» как связующего начала в литературно-критических набросках осени 1880 г., уже после Пушкинской речи. Проблема оставалась открытой.

²⁰ Ср. в Евангелии: «...ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24:27); «...тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» (Мф. 24:30—31).

²¹ О значимости проблемы «ум и сердце» в художественном наследии Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы») см.: Буланов А. М. «Ум» и «сердце» в русской классике. Саратов, 1992. С. 57—126.

²² В первом же разделе первой главы январского выпуска «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский обращается к понятию «насильственное единение» в связи с «политическим» социализмом.